

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.040

ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ПОВЕСТИ ЮРИЯ КРАСАВИНА «ХУТОРОК»

И. Л. Ефремова

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества

В статье рассматриваются мотивы повести выдающегося отечественного прозаика Юрия Красавина «Хуторок», которые можно трактовать как экзистенциальные: мотив одиночества, мотив отчуждения, мотив бессмысленности существования человека, заброшенного в бездну бытия. Произведение реалистично передаёт атмосферу эпохи, социально-нравственный кризис, переживаемый обществом в период перестройки конца XX века. Мечты героя помогают преодолевать трудности жизни и в конечном итоге раскрывают путь нравственного перерождения и духовного спасения.

Ключевые слова: Юрий Красавин, современная тверская литература, экзистенциальное одиночество, робинзонада.

Творчество Юрия Васильевича Красавина можно назвать полифоническим – и не только в бахтинском понимании как многоголосицу героев произведений, но и в смысле многообразия творческих методов и жанров, к которым он обращался. Наряду с реалистическими произведениями в его богатой библиографии широко представлены рассказы, повести и романы, опирающиеся на иные творческие методы, на художественные приёмы, не характерные для реализма, в том числе на гротеск, фантастику, абсурд, иррационализм.

В данной статье мы остановимся на таком неоднозначном литературном явлении, как экзистенциализм, черты которого особенно ярко проявились в постперестроечном творчестве Юрия Красавина – в «экологической поэме» «Озеро», в эсхатологической повести «Время Ноль», в повести-мениппее «После полуночи», в повестях «Хрустальный город», «Привет, Старик!», «Хуторок» и в ряде других текстов.

В советской литературе и в советском литературоведении экзистенциализм долгое время рассматривался как буржуазное, чуждое социалистической действительности явление, как выражение упадничества, деградации, слабости человека перед жизнью. На передний план выдвигались герои-борцы, герои-хозяева, герои-победители: победители внешних и внутренних врагов, победители природы, даже победители самого

© Ефремова И. Л., 2021

времени. Однако в произведениях Красавина, если иметь в виду «школярское» деление героев на положительных и отрицательных, зачастую именно эти так называемые борцы, «герои нашего времени», изображены как разрушители, как бездумная масса, одержимая идеей всё преобразовать, переделать на свой лад ради непонятных, далёких от духовных ценностей целей. «Посмотри вокруг: машины мчатся, самолёты летят, бульдозеры гребут, экскаваторы роют – всё ревёт, рокочет, рычит. В этих условиях надо что? Надо приноравливаться к жизни, а не стопорить её: тех, кто стопорит, ждёт жалкая участь» [3], – поучает главного героя «экологической поэмы» «Озеро», «чудика» Семёна Размахаяева, участковый милиционер. Апофеозом «торжества цивилизации» и «торжества» героев-победителей можно считать эсхатологическую повесть «Время Ноль», где идея борьбы доведена до своего логического и вместе с тем абсурдного конца – уничтожения человечества.

Мы не беремся утверждать, что Юрий Красавин сознательно, целенаправленно создавал повесть «Хуторок» как экзистенциальное произведение, так, как это делали Сартр или Камю. Насколько можно судить по его художественному творчеству и по публицистическим выступлениям, он был далек от модных литературных тенденций, и прежде всего от тенденций модернистского толка. Однако экзистенциальная проблематика нередко демонстрирует себя именно в силу объективных причин, вне зависимости от того, насколько глубоко автор разбирается в теоретических вопросах философии. Некоторые исследователи видят проявление экзистенциального мышления уже в произведениях Лермонтова и особенно Достоевского – писателей, несомненно, ничего не знавших о существовании такого философского учения, как экзистенциализм, оформившегося значительно позже их смерти. Именно эта традиция и продолжается в творчестве Юрия Красавина.

В то же время нельзя не учитывать тот факт, что философия экзистенциализма была весьма популярна среди московской интеллигенции 60-70-х годов прошлого века, в том числе и среди преподавателей и студентов литературного института, где учился Красавин. Поэтому нет ничего удивительного или искусственного в том, что экзистенциальное мировидение стало одним из свойств его творчества.

В повести «Хуторок» Красавин решает глубочайшие, сложнейшие философские вопросы, актуальные для нашего времени, и решает их с позиций экзистенциализма.

Одним из главных признаков, который позволяет говорить о поэтике экзистенциализма во всех названных произведениях Юрия Красавина, следует обозначить мотив одиночества героя, мотив его отчуждения. Он характерен для смены эпох, парадигм сознания, глобальных, катастрофических сдвигов в обществе. Одним из первых обнажил проблему онтоло-

гического одиночества Ф. М. Достоевский – по мнению многих наших и зарубежных исследователей, предтеча современного экзистенциализма. Наиболее откровенно эта проблема заявлена в знаменитых словах Мармеладова: «Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? <...> Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!» [1].

В различных философских, религиозных и художественных системах одиночество трактуется многопланово. В отношении последнего периода творчества Красавина есть много оснований говорить об одиночестве именно экзистенциальном – об утрате человеком связи с внешним миром, о его отстранённости от людей, о его заброшенности в «бездну бытия», в абсурд бессмысленного существования: «Каждый день приносил череду неприятностей, и не было этому конца» [4]; «Не только они, Кузовковы, в отчаянии – весь городок придавлен и угнетен, будто каждый из жителей несет на плечах невидимую тяжесть, как мешок с песком или цементом. И не сбросишь с себя эту ношу, даже когда спишь» [Там же].

Типично экзистенциальный мотив одиночества, фактически равный сиротству, – сквозной во многих произведениях писателя. Большинство его героев – одинокие люди. Да, они живут в обществе, у них есть близкие – жёны, дети, приятели, но они не ощущают связи, душевного родства, поддержки. Отсутствие опоры, «чувства локтя» делает этих людей несчастными, и счастье они видят в том, чтобы их кто-то поддержал, чтобы о них позаботились: «Но отрада-то, отрада-то в чем? Ничего больше-то и не хотелось, только чтоб тихий хуторок и ласковая женщина» [Там же]. Одиночество рождает ощущение не востребованности, ненужности, исчезновения своего «я»: «С некоторых пор ему казалось, что он потерял сам себя. Словно лучшая его половина отделилась и исчезла, и оттого теперь нет у него, у Кузовкова Евгения Вадимыча, ни решимости, ни воли» [Там же].

Главный герой повести «Хуторок» Кузовков Евгений Вадимыч живёт в небольшом провинциальном городке. Город усиливает тоску: давит ограниченностью пространства и общения, однообразием, серостью, скукой: «Городок небольшой, даже незнакомые прискучили, и хоть нет с ними тягостных отношений, но они создают тоскливый фон этой обыденной жизни» [Там же].

Герой работает на крупном предприятии, но и профессиональные связи не разнообразят его жизнь: он не выделяет и не называет никого из своих многочисленных сослуживцев. Его работа не является творческой, не приносит ни морального, ни материального удовлетворения, из всех чувств она вызывает только чувство тревоги: «...у него работа – не сахар.

И лихорадило то, что на его заводе третий месяц не выдавали зарплату, к тому же всех будоражили слухи: вот-вот сокращение грянет» [Там же].

Серьезную идейную нагрузку несет имянаречение. Красавин дает своим героям значимые имена. Главного героя зовут Евгений, его жену Татьяна – так же, как и героев романа Пушкина. Думается, это не случайно. Интересна народная этимология имени Людмила. Его можно трактовать как ‘милая людям’ (люд=люди; мила=милая). И действительно, Людмила в реальной жизни – продавщица в магазине, то есть она мила всем посетителям, мила ВСЕМ людям. В мечтах героя она становится просто Милой, без ‘люд’, то есть милая только для него. Но Людмила ещё и имя героини сказки Пушкина, которую долго и трудно ищет Руслан.

Фамилию главного героя – Кузовков – можно назвать «говорящей». Кузовок – это предмет крестьянской утвари, плетённая из коры или прутьев корзина для сбора ягод и грибов, то есть его функция – вмещать в себя и хранить нечто ценное, сберегать его. Очевидно, в этом должно быть предназначение человека, носящего такую фамилию: быть отцом большого семейства, оберегать его и заботиться о нем. Однако это предназначение резко контрастирует с действительностью.

У героя есть семья: жена и двое детей. У него есть родной брат, правда, живущий далеко. Но родственные связи у Кузовкова чисто формальные. С братом нет дружбы, его возможный приезд не радует. С женой Евгений Вадимыч фактически не живёт, они даже спят на разных постелях. С детьми полное взаимонепонимание: «Чем взрослей становились сыновья, тем грубей, независимей, хамоватей – к порядку их призвать большого труда стоило» [Там же]. Конфликт поколений – тема традиционная для литературы. Ещё Пушкин писал, что «наши внуки в добрый час / Из мира вытеснят и нас!» [8, с. 48]. В то же время даже такие, считающиеся классическими произведения о конфликте поколений, как «Отцы и дети» Тургенева или «Распад» Шмелёва, не свидетельствуют о полном отчуждении детей от отцов. У Красавина же нет никакой надежды, что дети со временем поймут отцов. Да и отец не намерен искать сближения с сыновьями. И, в отличие от традиционного изображения конфликта отцов и детей, когда более прогрессивное, более развитое и передовое молодое поколение противопоставляется поколению старшему, консервативному, ограниченному, живущему по устаревшим принципам, в повести Красавина, наоборот, главный герой предстает в большей степени нравственно положительным и духовно богатым, чем его дети и их компания.

Одинок не только Кузовков – одиноки и другие герои повести. Домысливая биографию приглянувшейся ему продавщицы Людмилы, Евгений Вадимыч предполагает, что и она несчастлива: «А муж кто? Небось, какой-нибудь замызганный мужичок, который запивает по выходным дням... А пахнет от него скверным куревом или чем-нибудь похуже» [4].

Красавин умело использует символические детали и образы. Состояние расколотости мира символизирует трещина на потолке: «Проснёшься поутру, откроешь глаза – и видишь прежде всего трещину вдоль стыка потолочных плит с высохшими дождевыми потёками. Трещину эту он, хозяин, не раз заделывал и штукатуркой и шпаклёвкой, заклеивал марлечкой да подбеливал, но дом дышал, как живое существо, потому, смотря по погоде, трещина становилась то пошире, то поуже, и как её ни заделывай, она появлялась вновь и вновь» [Там же].

Идею расколотости мира и богооставленности выражали и современники Красавина, например, Кузнецов, тоже Юрий. С этим поэтом, близким по мироощущению, Юрий Васильевич, вполне возможно, встречался во время учёбы в литинституте: «Через дом прошла разрыв-дорога, / Купол неба треснул до земли. / На распутье я не вижу Бога. / Славу или пыль метет вдали?» [6].

Способом уйти от неразрешимых противоречий реальной жизни, обрести своё подлинное «Я» становится «отдушина». Мотив отдушины – тоже сквозной в творчестве Красавина. Отдушина – это место в духовном, реже в материальном пространстве, где человек мог бы стать самим собой, обрести свою экзистенцию. В экологической поэме «Озеро» отдушиной для главного героя становится известная только ему самому тайная, невидимая постороннему глазу подлёдная пещера замёрзшего озера. Даже в апокалиптической повести «Время Ноль», где герой остаётся один на свете, где, казалось бы, не нужно ни от кого прятаться, он, тем не менее, создаёт себе убежище.

В отдушину уходят от реальной жизни и герои повести «Хуторок». «Хорошо, когда есть маленькая отдушина...» [4]; «Одно утешение было – отправиться на хуторок, как отправились эти Юра и Саня, один – в гараж, другой – на дачку» [Там же], – поясняет состояние своих героев Красавин. Для молодёжи, для детей Кузовкова, – это музыка и антиповедение: «Сыновья жили в соседнем, сопредельном пространстве, то есть по-своему. Совсем рядом, но поди-ка до них докричись» [Там же]. Для жены отдушиной является покупка на последние деньги дорогих продуктов. В такие моменты она заглушает в себе страх и тревогу, чувствует себя живущей настоящей жизнью, выполняющей свой долг перед семьёй: «Она непременно хочет быть доброй, потому купит еще и сыру кило... Мало того, глядишь, на последние деньги еще и окорока. Все это она, придя домой, тотчас шмяк на стол и нарезает толстыми ломтями: ешьте, мол, на здоровье» [Там же].

В поисках выхода из духовного кризиса герой Красавина уходит в свою отдушину – в мир мечты, «грёз». Он сам признается: «...как лекарство от недуга, были грёзы о домике том, что упятился в сухой лесной сумрак... Герань стояла на окнах, солнечные пятна лежали на чистых

половичках, белый рушник с красными петухами висел над зеркалом, кружевная накидка на подушках; пахло там цветущей геранью, теплой печью, липовым медком, сдобным тестом... Хозяйка ступала по чистому половичку босыми ногами мягко и неслышно, приносила в решете пироги с пылу, с жару» [Там же]. Причём характерной особенностью и этой повести, и ряда других произведений Красавина является стирание грани между иллюзией и действительностью, когда невозможно понять, где кончается реальность и начинается ирреальное. Это ирреальное у Красавина предстаёт в виде снов, видений, абсурдной действительности, что тоже характерно для экзистенциализма.

В повести «Хуторок» иррациональное, вымышленное изображается как вполне реальное, подлинное бытие – в отличие от неподлинного, мнимого бытия окружающего героя мира. Евгений Вадимыч пытается сам себя убедить в возможности счастливой, полноценной, «ладной», по его выражению жизни, – и поэтому ищет доказательства того, что его «грёзы» вполне могут осуществиться.

Мечта настолько органично входит в бытовой мир, что в начале повести читатель искренне верит в реальность происходящего. Описание болота, перечень причин, по которым герой там оказывается, даже точные географические координаты того места, где это болото находится, – всё это жизнеподобно и убедительно: «Тут главное – что такие болота есть. Евгению Вадимычу достаточно было глянуть на карту, висевшую над диваном: вон хотя бы за Волгой от Московского моря до реки Медведицы на десятки километров ни одной ниточки-дороги, ни одного кружочка-селения – только штрихи, будто рябь на воде, да неверные очертания озёр, безымянных и с именами: Светлое, Великое, Песчаное» [Там же]. Лишь впоследствии, когда автор сам говорит, что это лишь мечта, вымысел, читатель начинает понимать, что имеет дело не с реалистичным повествованием.

Болото – это тоже один из сквозных, многозначных символов повести. Оно, с одной стороны, ассоциируется с жизнью героя, с трясинной «житейского моря», засосавшего и Евгения Вадимыча, и его жену, и других обитателей городка. С другой стороны, именно болото помогает сохранить хуторок, тот недоступный посторонним людям уголок, приют, где только и возможно подлинное существование, подлинная экзистенция.

Хуторок – это стержневой концепт повести Красавина. Это замкнутое, закрытое для всех пространство. Как известно, именно такое пространство характерно для произведений экзистенциалистов. «Замок» и «Нора» Кафки, необитаемые острова в романах Уильяма Голдинга «Повелитель мух» и «Воришка Мартин», комната в повести Патрика Зюскинда «Голубь», «Стена» в рассказе Сартра – примеры можно приводить бесконечно. У самого Красавина замкнутость, изолирован-

ность пространства – типичный локус. Предложивший термин ‘локус’ Ю.М. Лотман понимал под ним приуроченность определённых ситуаций и событий к определённому месту: «По отношению к герою эти „места“ являются функциональными полями, попадание в которые равнозначно включению в конфликтную ситуацию, свойственную данному locus’у» [7, с. 253]. Такими локусами в творчестве Красавина можно считать, например, хрустальный город в одноименной повести, или озеро в экологической поэме, или жизненное пространство героя, уцелевшего в ядерной катастрофе в повести «Время Ноль». Сюда же можно отнести и героев романа «Русские снега», погребённых под мощным сугробом.

Концепт «хуторок» и его семантическое поле позволяют реализовать в повести традиции жанра робинзонады и во многом противоположного ему жанрового образования – антиробинзонады. Здесь опять переключка с Кузнецовым: «И снился мне кондовый сон России, / Что мы живём на острове одни» [5]. В таких повестях, как «Время Ноль» и «Хрустальный город», ощутим опыт Голдинга, создавшего ряд антиробинзонад. В повести «Время Ноль» Чирков, несмотря на то, что у него было достаточно возможностей для физического выживания, кончает с собой. Герой повести «Хрустальный город», чтобы жить в материальном изобилии, покидает людей, а это равнозначно небытию.

Тема Робинзона открытым текстом звучит в ряде произведений Красавина. Например, в экологической поэме «Озеро» главный герой, напоминающий шукшинских «чудиков», тоже одинокий, в числе любимых имеет книги жанра робинзонад: «...они у него дома стояли на божнице, занимали посудный шкаф и лежали в сундуке; но было и несколько любимых... Вид у них уже самый жалкий, поскольку уже мокли на дожде или за пазухой от пота (на обложке «Земли Санникова» ухо мамонта размыло), прожжены были угольками, что выстреливали из костра (такому испытанию подвергся многотерпеливый Робинзон), трёпаны и мяты (угол книги Арсеньева «Дерсу Узала» телёнок пожевал) – и от всего этого ещё более любимы» [3]. В повести «Время Ноль» Чирков «когда-то, ещё на первом году жизни в одиночестве после Времени Ноль, стал ... отмечать крестиками на календаре прожитые дни, как Робинзон Крузо зарубками на столбе» [2].

Хуторок – это и есть остров, недостижимый для социальной несправедливости и унижений, необитаемый для городских обывателей. Само название повести – «Хуторок» – говорит об изоляции, оторванности от большого мира, об интимности, малозаметности, что подчёркивает уменьшительно-ласкательный суффикс *-ок*. Название перестаёт быть только заголовком, оно сразу же включается в текст повествования: уже первая фраза содержит местоимение «в него», то есть автор отсылает чи-

тателя к названию, так как иначе непонятно (в силу морфологических свойств личных местоимений), к чему оно относится: «Попасть в него можно только так: вот если пойти в лес, к примеру, за грибами, и подступит к тебе со всех сторон непроходимое болото...» [4]. Как Робинзон, Кузовков обретает на этом острове жизненный опыт, набирается мудрости. Здесь он получает долгожданную свободу. Его одиночество уже совсем иное, не пустое и не тоскливое. Он встречается здесь с теми, кого желает видеть, – его неподлинное существование, мир выдуманный, становится ему ближе и роднее, чем мир реальный, феноменальный.

Однако повесть Красавина «Хуторок», несмотря на обилие экзистенциальных признаков, всё-таки нельзя назвать экзистенциальной по основной идее и пафосу. В сюжетно-композиционном плане она построена таким образом, что воспринимается скорее как жизнеутверждающая, чем как пессимистическая. Её сюжет восходит к архетипу «обретения рая», который под пером Красавина трансформируется в мифологему «сотворения мира». Сюжет статичен, активных действий практически нет, повествование идёт во внутреннем, психологическом плане. Из реальной жизни – лишь отдельные эпизоды, зарисовки, описания интерьера и разных мелких событий, которые ничего не меняют в жизни героев. В параллельном же мире грёз, наоборот, есть развитие, первоначальная канва обрастает подробностями, деталями, появляются новые действующие лица, происходят нравственные перемены: герой начинает понимать, что «бабы и еда» – это слишком мало для счастья, это не может быть идеалом. Красавин использует приём повтора-градации: герой не просто повторяет уже однажды произнесённые фразы, не просто возвращается в одни и те же места и в одно и то же эмоциональное состояние, но с каждым таким повтором, с каждым таким возвращением приобретает что-то новое, то есть психологическое развитие героя идет по спирали. В этом отличие повести Красавина от произведений писателей-экзистенциалистов, где вращение сюжета идет по кругу. Вспомним хотя бы роман «Замок» Кафки.

«Сон наяву» Кузовкова – это не пустая мечтательность Манилова, не попытка забыться и похоронить себя. Мечты Кузовкова активны, движение по спирали выражает его духовный рост. По сути, он стремится открыть царство Божие внутри себя. Он ищет гармонии с самим собой, он стремится к праведной, светлой, безгреховной жизни. Эта жизнь – любовь, красота и труд, не по принуждению, а творческий, для души, в радость. Семантически значимо сравнение такого труда с молитвой: «Ведь природа облагораживает человека, очищает душу и тело. Она приучает трудиться, а труд – как молитва...» [Там же]. И не случайно конец повести – грёза, но грёза, уже окончательно превратившаяся в духовную реальность, в одухотворенное пространство, где герой живет по самым

что ни на есть реальным для него, справедливым законам – по законам православия:

«– Ну, – сказал Евгений Вадимыч сурово и осенил себя широким крестом. – Господи, благослови.

Никогда раньше он не крестился, а тут как-то само собой к месту пришлось» [Там же].

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Л. : Наука, 1989. Т. 5. 573 с.
2. Красавин Ю. Время Ноль [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/vremya-nol-read-285898-7.html> (дата обращения 12.01.2021).
3. Красавин Ю. Озеро [Электронный ресурс]. URL: <https://litlife.club/books/163107/read?page=10> (дата обращения: 12.01.2021).
4. Красавин Ю. Хуторок [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/krasavin-yurij-vasiljevich/hutorok> (дата обращения: 12.01.2021).
5. Кузнецов Ю. И снился мне кондовый сон России... // Кузнецов Ю. Русский узел. Стихотворения и поэмы. М. : Современник, 1983. 223 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=589935&p=5> (дата обращения 12.01.2021).
6. Кузнецов Ю. Распутье // Кузнецов Ю. Русский узел. Стихотворения и поэмы. М. : Современник, 1983. 223 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=589935&p=18> (дата обращения 12.01.2021).
7. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. : Просвещение, 1988. 352 с.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 6. 205 с.

FEATURES OF SOLUTION OF THE EXISTENTIAL CONFLICT IN THE STORY OF YURI KRASAVIN “KHUTOROK”

I. L. Efremova

Tver State University

Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article considers the motives of the story “Khutorok” by the outstanding Russian prose writer Yuri Krasavin, which can be interpreted as existential: the motive of loneliness, the motive of alienation and the motive of meaningless existence of a person thrown into the abyss of being. The work realistically conveys the atmosphere of the era, the social and moral crisis experienced by society during the period of Perestroika in the late twentieth century. The hero’s dreams help him overcome the difficulties of life and ultimately reveal the path of moral rebirth and spiritual salvation.

Keywords: *Yuri Krasavin, modern Tver literature, existential loneliness, robinsonade.*

Об авторе:

ЕФРЕМОВА Ирина Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: irina_efremova_tver@rambler.ru

About the author:

EFREMOVA Irina Lvovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: irina_efremova_tver@rambler.ru